

18+

Елена Кручинская

ТРИ МИЛИ ВАНИЛИ

И хочется, чтобы этот путь был ванильным,
когда внутренний аромат
и аромат вокруг заставляет проснуться

Клементина Кручинская

Три мили ванили

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70995424
ISBN 9785006442979*

Аннотация

Девушка по имени Эва претерпевает глубокие изменения в своей душе, исследуя саму себя и свои внутренние мотивы через сложные отношения с тремя разными мужчинами: Марком, Джеком и Лео. По мере того, как Эва переживает свои отношения с этими мужчинами, она превращается из похотливой девушки в зрелую женщину, в конечном итоге принимая на себя роль жены и матери. Как ей это удаётся?

Содержание

Первая миля	7
Вторая миля	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Три мили ванили

Клементина Кручинская

Редактор Елена Ленковская

Корректор Ольга Рыбина

Дизайнер обложки Вера Филатова

Фотограф Александр Шубин

© Клементина Кручинская, 2024

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2024

© Александр Шубин, фотографии, 2024

ISBN 978-5-0064-4297-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мне хотелось бы с благодарностью упомянуть здесь имена всех, кто предоставил возможность держать эту книгу в руках.

Спасибо:

Матвею, сыну, за то, что он настолько самостоятельный, что у меня есть время писать.

Алексею Брагину, мужу, за безграничное принятие того, чем занимаюсь.

Екатерине Патковой, маме, за неиссякаемую поддержку

любого моего начинания.

Анне Акимовой, тренеру по развитию креативности в решении рабочих и жизненных задач. Каждый раз убеждаюсь в её таланте создавать новое в головах людей.

Сергею Попову, другу, за реализацию литературного проекта.

Елене Эдуардовне Ленковской за поддержку, дельные советы и редактуру моего текста.

И многим-многим другим, кто стал частью этой литературной истории.

Если читателю понравится книга – это благодаря им, а если окажется, что она не достойна чтения, то в этом виновата я.

Разумеется, часть событий и действующих лиц вымышлены, но одно остаётся правдой – реальная история превращения похотливой девушки в зрелую женщину, которая, в конечном итоге, принимает на себя роль жены и матери. Как ей это удаётся? Ответ здесь.

К.К.

Для мужчины женщина как чашечка кофе. Сделав первый глоток, он закрывает глаза, от удовольствия облизывая губы, чтобы насладиться горьковатым вкусом напитка. Вторым глотком он испытывает страстное желание

испить всю чашку. С третьим в чашке остаётся лишь лёгкая пенка. Тайна раскрыта. Всё как на доньшке. И он говорит: «Другую чашечку!»

Первая миля

Чашка горячего кофе согревала ладони. На веранде ресторана Amoug в центре французского города Кольмар Эве было тепло и спокойно. Ресторан располагался вдоль узкой мощёной улицы, которая создавала причудливую форму хвоста ящерицы. Улицы города хранили живописный ландшафт – спящие голуби на перламутровых крышах органично сочетались с прицепами и палатками с ароматными дынями, арбузами, сливами, персиками, инжиром, первыми яблоками-грушами и грибами – белыми, рыжиками и лисичками. Здания Средневековья и эпохи Возрождения по приказу городской власти окрасили в яркие цвета, что придало пространству бунтарский характер.

Эва смотрела вдаль и любовалась холмами, покрытыми одеялом пышной осенней листвы, простирающимися настолько далеко, насколько может видеть глаз. Рядом слышалось звучание спокойных вод реки Лауч. Очаровательные речные каналы, известные как Маленькая Венеция, проходили через весь город и разделялись только подвесными мостами. Лодки плавно скользили по каналам до близлежащих виноградников, известных производством знаменитых вин Эльзаса.

Был вечер. Но ранней осенью в конце сентября вечера ещё берегли в воздухе нагретые частицы тепла даже после заката.

та, будто окутывали тело уютным согревающим пледом. Горы Вогезы, недавно бросающие защитную тень, стали безмятежным фоном над густыми лесами. Случайные лучи солнечного света проникали сквозь крону, отбрасывая на асфальт причудливые тени. Виноград тяжело висел на лозах, а резные листья охристого цвета изящно колыхались на свежем ветерке. Элегантные уличные фонари освещали разбросанные уличные кафе, где люди наслаждались насыщенным эспрессо и оживлённо беседовали, оставив свои мотоциклы и авто на стоянке. Шикарные парижанки на высоких каблуках, стук которых эхом звучал по улице, пробирались к модным бутикам. Рядом торговцы предлагали ароматные букеты, а кондитеры распродавали багеты и выпечку в открытых лавочках. Мелодичные звуки аккордеонов уличных музыкантов наполняли воздух жизнью.

Эва была тепло одета: поверх лёгкого платья из телесного шифона красовался вязаный кардиган. Кардиган цвета неба, разбавленного молоком. Широкие рукава кардигана Эва то и дело поднимала выше локтя, поправляя небрежный пучок забранных волнистых волос. На коленях лежала сумочка цвета спелой вишни.

В сумочке было всё от самого святого – иконы Божией Матери и камня-оберега – до уже ненужного списка продуктов, составленного неделю назад, а ещё – губная помада цвета абрикоса, ключи с брелоком «французский бульдог», маленький флакон духов «Цветок Кензо», зеркальце с золотой

бабочкой, маленькая расчёска. Расчёска куплена три года назад по случаю – на рынке, у одной девочки лет пяти. Эва пришла за пряностями, а ушла домой с расчёской. А всё потому, что девочка, глядя на Эвины кроссовки, с восторгом вскинула вверх большой палец. Эва всегда носила кроссовки ярких цветов, а в тот день шнурки на кроссовках были ещё и блестящими и зашнурованы через один люверс. Эва сама так зашнуровывала. Она считала, что так красиво и концы шнурков можно завязать на четыре бантика.

К девяти часам все разошлись по домам, парочки на шумных мотоциклах и авто разъехались в укромные места для уединения, осталась только толпа молодых парней напротив самого ресторана Amour. Одетые в приталенные джинсы, кожаные коричневые куртки и чёрные блейзеры, они излучали атмосферу юношеского энтузиазма. Их оживлённые жесты создавали дух товарищества. С озорным блеском в глазах они подталкивали друг друга, смеялись, обмениваясь остроумными замечаниями. Было уже поздно, но само их присутствие освещало сумеречную обстановку.

Эву не волновало время. Да, завтра ей нужно будет проснуться в пять часов утра, прийти на работу в крупную международную адвокатскую контору, записывать в свой толстый потрёпанный синий блокнот фамилии и наболевшие проблемы клиентов, затем много говорить в ответ, называя этот монолог консультацией, а после длительных юридических исследований и переговоров выступать в суде, в кото-

ром, как любой актрисе, хочется понравиться публике. Эва была адвокатом.

Но о завтрашнем дне Эве думать не хотелось, и она продолжала размышлять о встрече с Марком Бенуа. Кофе в чашке тем временем остыл практически нетронутым. Марка она встретила совсем недавно, в этом же ресторане. Этот ресторан отличался несвойственной Франции деревенской атмосферой. Стены украшали винтажные винные стойки и картины в рамках с изображением живописных эльзасских пейзажей. Деревянные полы тихо поскрипывали под ногами, добавляя тонкую мелодию к разговорам. Деликатные люстры приглушено освещали столы, придавая интимность встречам. Грандиозный камин украшал главный зал, а потрескивающее в нём танцующее пламя наполняло теплом пространство. Искренние улыбки официантов были дополнением к хрустящим белым фартукам. Бордовые и красные цвета интерьера возбуждали аппетит. Богатый аромат свежеепечённых багетов доносился из открытой кухни. Здесь можно было заказать и нежное эльзасское тарт-фламбе, и сочный шукрут-гарни. Этот ресторан был убежищем для тех, кто искал передышки от шумного города, местом, где время как будто замедлялось. А когда время замедляется, хочется думать о любви.

Неслучайно ресторан Amour находился напротив Стены любви. Стена была выложена из окрашенных в синий цвет кусочков металла, которые обрамляла узкая мозаичная

плитка разнообразной палитры. В сумерках Стена выглядела как большая вертикальная поверхность, украшенная замысловатыми белыми символами. Это была одна из известных достопримечательностей небольшого городка. Легенда гласила, что много лет назад, в одну дождливую летнюю ночь, влюблённые Рафаэль и Афалина сбежали от всех, чтобы наедине предаться утехам любви. Но Рафаэль, неожиданно для себя, понял, что хочет сохранить чистоту и непорочность своих чувств.

Эва всё пыталась представить, как это было. Наверное, думала она, в груди юноши играла буря простых, но в то же время непонятных ему эмоций. Он так ждал этого момента и хотел наконец-то коснуться её запретного яблока, хотел отыскать в её теле частичку себя, насладиться ароматом её бархатного тела. **Но вдруг понял: всё, что сейчас есть внутри него, угаснет, как только он познает плоть своей возлюбленной.** Это было всегда с каждой из его девушек.

Афалина для него была особенной девушкой, не такой, как все. Она не красовалась перед зеркалом перед выходом из дома или просто так, без дела, не говорила без умолку, как многие её подруги, не красила губы помадой и совсем не пользовалась парфюмом. От неё исходил животворящий аромат, который так и хотелось всё вдыхать и вдыхать. Она подолгу могла молчать, смотря куда-то в сторону и прикрыв колени ладонями. Так она могла просидеть до тех пор, пока

её не окрикнул или не помянет рукой. Афалина молчала везде: в кругу друзей, молчала одна, даже молчала у него на коленях. Нет, она не была немая. Она просто говорила со всеми глазами.

И тогда, в ту самую тёмную ночь, он, глядя в её большие карие глаза и взяв за тонкое запястье, нежно поцеловал в плечо и шепнул на ушко: «Отличное платье, не хотелось бы его помять, оно тебе так идёт». Но Афалина с грустью отвела взгляд, освободила свою руку и опустилась на колени. Дождь омывал её угловатое лицо, делая его блестящим и унылым. Нашупав на земле белый камень, она встала и выцарапала на кирпичной стене рядом стоящего дома: **«Я любила его, а он любил только свои чувства».**

Была ли эта легенда о Рафаэле и Афалине правдивой, в городе никто не знал. Но влюблённые пары перед тем, как отдаться друг другу, издавна приходили на это место, писали любовные клятвы и признания – в надежде сохранить в своих сердцах истинное чувство, недавно коснувшееся их ещё непорочных тел.

Как и многие, Эва знала эту историю, но не верила в её правдивость. А всё потому, что никто не мог ответить, что же было дальше – остались ли Рафаэль и Афалина вместе, завели ли они детей, умерли ли в один день в глубокой старости, взявшись за руки? Надпись та не сохранилась, да и была ли она вообще?

Эве было просто интересно наблюдать с веранды рестора-

на, как совершенно разные люди пробираются к Стене, чтоб написать на ней свои сокровенные мысли.

Французы-романтики приходили к ней толпами. Чаще толпилась молодёжь. Встречались, однако, здесь и люди преклонного возраста в элегантной и хорошо сшитой одежде. Дамы в шляпках, кавалеры – в тёмных тройках.

Вот и сегодня к Стене пришла пара. Им было лет по семьдесят. Мужчина был значительно выше своей избранницы, но это не разрушало их общую гармонию. Время выгравировало на их лицах тонкие линии, словно обрывки искусного наброска, раскрывающие их долгую жизнь и пережитые эмоции.

Эва невольно залюбовалась этой парой, которая, как и многие, хотела разместить свои имена на Стене. Серебряные локоны женщины мягко ниспадали каскадом, напоминая сияние луны на фоне звёздного полотна. Её глаза пробуждали в памяти лавандовое поле в сумерках. Глаза пожилого джентльмена имели цвет залитого солнцем зелёного винограда. Вместе они олицетворяли собой воплощение любви, а их связь – элегантные штрихи артистизма, выходящие за пределы времени и пространства, но говорящие проходим о возникшей случайной любви.

Впрочем, эта Стена стала со временем и стеной заветных желаний. На ней можно было разобрать надписи: «хочу ребёнка и только от него», «хочу мужа», «хочу принца», «хочу большую грудь». Была даже и такая – «Исчезни» – с тре-

меня восклицательными знаками в конце. Однако признаний в вечной любви и верности было больше.

Эве некому было писать слова любви, поэтому она молча наблюдала за происходящим, допивая уже холодный кофе. Официант отвлёк её внимание от парней, спросив:

– Не желаете ещё чего-нибудь?

– Благодарю вас, но мне пора, – растерянно и взволнованно ответила Эва, заплатив за кофе.

Выходя из ресторана, Эва подумала о том, что же её так разволновало: неожиданный приход официанта, оборвавший череду её мыслей, или нескромные желания, проносящиеся в её голове, когда она смотрела на молодых людей, спешивших нацарапать свои любовные послания.

Потерявшаяся на время в своём собственном мире, она вернулась обратно, чувствуя смесь восторга и вины от того, что её фантазии забрели на запретную территорию. Она почувствовала страх быть понятой, раскрытой, обнаруженной, зная, что ей станет стыдно. Ей уже было стыдно, хотя она точно знала, что официант не мог прочесть её мысли. Словно застигнутая на месте преступления, Эва вышла из ресторана с тревожно бьющимся сердцем. О чём же думала Эва в тот вечер? Очень сложно прочесть мысли человека, чаще практически невозможно, но глаза могут рассказывать многое. А в тот момент глаза Эвы излучали такое сияние, что, если бы кто-то знакомый оказался рядом, он подумал бы, что она либо узнала, что ждёт ребёнка, либо сошла с ума. **Это**

вполне точно, поскольку женщина может пребывать в эйфории только в двух случаях: в первом, когда готовится стать мамой, и во втором, когда просто влюбляется. И Эва влюбилась в Него заочно, представляя себя рядом с Ним. Она ещё не знала Его, но точно была уверена, что Он где-то здесь, среди толпы так же, как все, читает неразборчивые слова на холодной стене и мечтает написать их кому-то, кто стал бы для него всем в этом шумном мире.

Шум этого мира с детства резал ей слух, заглушая внутреннюю свободу.

Когда Эва была маленькой, она забиралась в тёмный чулан, куда едва пробирался тонкий луч света, и слушала свои уши, зажимая их ладонями. В чулане пахло пылью, всё из-за того, что там хранилась старая одежда и обувь и ещё несколько коробок, наполненных разными бумагами. Стены были выкрашены в выцветший бежевый цвет, с несколькими потёртостями тут и там. Дверь была деревянной с правильной резьбой и имела обшарпанный вид, со сколами краски и скрипучими петлями. Боже мой, как она была счастлива в эти минуты уединения. **А сейчас, когда стала совсем взрослой, ей до боли в костях хотелось уже не одной, а с Ним забраться в угол, отгородиться от всего мира глухой дверью и слушать уже Его уши, зажав их своими ладонями.**

Эва всё брела, опустив голову, глядя под ноги на аккуратно выложенную коричневую тротуарную плитку, подходя

всё ближе и ближе к Стене, боясь посмотреть прямо. Вдруг она увидит Его глаза! Подняв голову, Эва обнаружила, что впереди ожидала её только неизменно-гладкая поверхность Стены. Взгляд скользнул по ровной, отражающей свет поверхности, пересёк пустую улицу, спящие дома – не было ни единого признака Его присутствия. Где же он? Тот, кто был здесь раньше или будет, кто оставил или оставит свою надпись на этой Стене, которая содержит сейчас лишь чужие безликие признания. **Сердце стучало быстрее, чувствуя тревогу, словно оно знало: что-то важное ускользает и не может обрести видимость.** Эва стояла у Стены, которая скрывала всех, кто в этом месте когда-либо оставил свой почерк, храня только их сообщения и слова. Но она не хотела сдаваться! Она знала, что истинные встречи свершаются, что бы ни происходило вокруг.

А вокруг галдела толпа, парни толкались, норовя поскорее нацарапать на Стене свои сокровенные фантазии, сделав их доступными для чужих глаз.

– Что я здесь делаю? – спросила Эва саму себя, – сюда приходят лишь пары или сумасшедшие, как эти, а я пытаюсь найти здесь Его. Вот дура.

Она обернулась, посмотрела на ресторан, который недавно угощал её восхитительным кофе, и решила вернуться обратно. К тому же от переживаний засосало под левым нижним ребром.

– Пора перекусить чего-нибудь перед сном, – вслух произ-

несла Эва и в испуге от неожиданно вырвавшихся слов, прикрыв рот ладонью, прибавив шага, устремилась назад к заведению. Чтоб как-то успокоиться, через минуту она пошла чуть медленнее, изучая текстуру и рисунок плитки, из которой был сложен тротуар.

– Прошу вас, вы спешите? – приятный мужской голос неожиданно вернул её из раздумий.

Эва подняла глаза и увидела... Его! Высокий, русоволосый, в белоснежной рубашке. Он улыбался ей своей широкой улыбкой. Улыбнувшись в ответ, Эва поняла, что стоит у самых дверей ресторана.

– Уже нет, – скромно опустив руки на сумочку, а глаза вниз, ответила она.

– В таком случае вы позволите угостить вас чашечкой кофе?

– Обожаю кофе ...но я хочу... есть, – призналась она.

Они вошли в пустой ресторан. Не на ком было задержать взгляд, чтоб хоть как-то снять напряжение. Но она нашла другой способ – каждый шаг она делала глубокий вдох, практически не выдыхая воздух.

Об этой методике восстановления внутреннего равновесия ей рассказала одна подруга, которую стоило бы заточить навсегда в монастырь, чтобы только молилась, а не говорила глупостей. Потому как только монахини молчат и молятся, молчат и молятся. Не говорят ерунды и не дают дурацких советов. И если бы это уже случилось, Эве бы сейчас не при-

шлось преодолевать давление в висках и покраснение лица, возникшие в результате экспериментов с дыхательной техникой.

Марк Бенуа. Он шёл впереди, его волосы были русые, прямые, ухоженные, с небольшой сединой. Эве хотелось почувствовать запах его волос, прикоснуться к ним, провести рукой от его лба до затылка, чтобы посмотреть, как волосы стремятся вернуться обратно, оставаясь небольшим ёршиком. Марк выбрал самый дальний столик в конце огромного зала под высоко расположенной гардиной с бордовыми занавесками. Занавески придавали этому месту особый шик и скрывали столик от посторонних взглядов.

Пока Марк шёл к столику, Эва смотрела на его подтянутые ягодицы, которые выглядели как два крепких ореха. Она отметила и то, что Марк не надел ремень. Эва не любила мужские образы без аксессуаров, а главное – без ремня. Но глядя на Марка, она вдруг подумала, что с такой накачанной фигуры потёртые джинсы не спадут. И нежно улыбнулась.

Марк совсем не был галантен, лишь раз предложил руку, направляя Эву на диванчик, обшитый золотистыми нитями. Пока они шли до выбранного Марком столика, он то и дело широко улыбался, заглядывая в её глаза и оглядываясь по сторонам, будто в поиске кого-то, то и дело поглядывая на часы. Всем сердцем и разумом в ответ Эва кричала ему: «Вот она я, вот она я, кого ты ищешь?» Всё оказалось про-

сто, Марк сам объяснил своё непонятное поведение, когда наконец они расположились за столиком:

– Мне кажется, погода портится, будет дождь, а ты так легко одета, и у меня с собой нет зонта, – озабоченно произнёс он. – Как же я провожу тебя до дому?

Глаза его с едва заметным зрачком были цвета какао.

«Это правда или мне кажется? – думала Эва, заправляя выпавший локон за ухо. – Он уже собрался узнать, где я живу!»

– Лето нынче неважное, – продолжал Марк. – Помню, раньше, когда я был ребёнком, во время дождя бегал босиком. Вода в лужах была такая тёплая. А что сейчас? Холодный дождь, пронизывающий ветер. Не то что по лужам бегать, из дому выходить не хочется.

– Может, нам казалось... – тихо начала Эва.

– Что-что?

– Может, нам казалась, что вода в лужах тёплая... и дождь тёплый, и ветер.

– Прекрасный бирюзовый кардиган на тебе! – неожиданно произнёс Марк.

– Голубой.

– Голубой, бирюзовый... Разве это не одно и то же? Это цвет неба, морей, озёр, цвет простора, чистоты и свежего воздуха. Ты для меня как глоток свежего воздуха.

После этих слов Эва даже покраснела незаметно для себя. Вот так просто, зная человека всего несколько минут, делать

такие комплименты? Она была с несколькими мужчинами, но не один из них не говорил ей ничего подобного. Эва сама как будто стала лёгким облаком и поднялась высоко на небо, или даже выше неба, окунаясь в воздушный поток счастья.

Ей вспомнилось, как папа катал её на качелях. Эве было восемь, когда её семья – мама, папа и старшая сестра – переехала из Гренобля в Кольмар, небольшой живописный городок, расположенный на востоке Франции, недалеко от Страсбурга. Старинные фахверковые домики на извилистых улочках, центральная площадь с ратушей, россыпи благоухающих цветов под прозрачно-голубым небом, утопающий в герани небольшой канал с живописными мостиками. Всё это производило неизгладимое впечатление на маленькую Эву.

Папа часто водил её в парк. Окружавший парк изящный забор имел сложные линии, состоящие из геометрических симметричных рисунков. Дорожки, словно жилы жизни, пересекали парк, а их гравий хрустел под каждой ногой посетителя. Некоторые тропы уходили в тенистые сады, другие – плавными изгибами к спокойным прудам. Высокие лиственные деревья, чьи ветви достигали небес, давали передышку от тёплых объятий солнца. Под ними всегда былолюдно. Величественный дуб, элегантный каштан и изящная берёза отбрасывали танцующие тени на землю, сохраняя прохладу травы. Среди зелени стояли деревянные скамейки, об-

ветренные временем. Каждая скамейка была молчаливым свидетелем шёпота любви и признаний, грустных рассказов и глубоких душевных вздохов.

В глубине парка стояли большие деревянные качели, напоминающие корабельные якоря, и Эва с нетерпением ждала, когда отец заплатит за билеты для входа в парк, а потом мчалась к своим качелям со всех ног. Папа, догоняя дочку, кричал ей вслед: «Опять моему солнышку хочется поближе к небу?» – и заливался радостным смехом. Смех его чем-то напоминал Эве свист. Она до сих пор помнит, как, зажмурившись, взлетает вверх и её лёгкие наполняются воздухом – на взлёте он кажется как будто тяжёлым или жидким. Она распахивала глаза только тогда, когда качели долетали до самой высшей точки, и в эту секунду чувствовала себя порхающей в небе птицей.

Повзрослев, она переехала в Марсель, на южное побережье Франции. Марсель отличался от других французских городов яркой пульсирующей энергетикой. А Эва искала разнообразия, свободы и драйва. Поэтому Марсель стал её выбором.

На его улицах уживались оживлённые рынки и закрытые тихие парки, красочные и серые дома, уютные маленькие кафе и помпезные рестораны, душевные традиции и мода современности.

Сердце города находилось в Старом порту, в шумной гавани, где рыбаки выгружали свой ежедневный улов, а посети-

тели наслаждались свежими морепродуктами в прибрежных ресторанах, предлагающих кухню с французскими и средиземноморскими вкусами – буйабес, культовое рыбное рагу, деликатесы Северной Африки. Quai des Belges и Quai de Rive Neuve сочетали в себе морское очарование, откуда открывался вид на качающиеся лодки и яхты и знаменитую базилику Нотр-Дам-де-ла-Гард, расположенную на вершине холма. На фоне бирюзовой воды они олицетворяли спокойствие в порту, где, напротив, кипела жизнь.

Эва начала исследовать Марсель с узкой улочки Ле Панье, украшенной художественными граффити и выглядевшей как акварельная мечта, заполненной необычными магазинами, раскрывающими божественный дух города. В узких переулках слышалась неугомонная работа местных ремесленников и иностранный говор туристов. Но стоило удалиться от заполненных улиц, и Марсель становился индустриальным прошлым с духом рабочего класса. Обветшалые здания с облупившейся краской, забытые стены с потускневшими надписями замедляли темп жизни и спасали от повседневной суеты. Влюбившись сразу в это место, Эва сняла неподалёку квартиру, а в выходные уезжала за пределы города. Отправлялась к Каланкам, известняковым скалам, купалась в сверкающей бирюзовой воде и мечтала встретить своего первого парня, мечтала вновь оказаться в облаках. **Мечтала, что он будет поднимать её на руки и кружить, не боясь упасть от потери равновесия, а затем опус-**

кать к себе на колени и целовать в мочку её маленького ушка.

Не случилось. Ни на первом, ни на последнем свидании, этого вообще никогда не случилось... Всё, что было у неё с ним – бесконечные поездки по концертам (он увлекался рок-музыкой), бутылки недопитого пива в углу комнаты, дым незатушенных сигарет, звериный хохот его друзей и бесконечный жёсткий секс.

Одним серым пятничным утром, таким, когда, проснувшись, осознаешь себя то ли полуживой, то ли полумёртвой, Эва открыла глаза и увидела над собой облупившийся потолок и ползающих по нему одурманенных мух.

Через минуту она уже натягивала облегающие джинсы, расставляя ноги и немного приседая, через две – посередине комнаты появился коричневый старинный кожаный чемодан, доставшийся ей по наследству от бабушки, а через пять минут она вышла из отеля, не оглянувшись ни разу назад и чётко понимая, что всё делает правильно.

Распахнув входную дверь, она вдохнула прохладный утренний воздух, взглянула на небо и улыбнулась, а затем села в такси, припаркованное неподалёку. Наполненная вдохновением и чувством собственной победы, она сидела на обшарпанном сиденье городского такси и слушала мелодичную музыку, которую любила, но давно не слушала.

Ни он, ни она больше ни разу не вспомнили друг о друге, похоронив внутри дни, проведённые вместе. И Марсель,

который когда-то полюбился ей своей необузданной силой и энергией, остался в прошлом.

Вторая миля

Водитель что-то напевал себе под нос, поглядывая в зеркала заднего вида на моё сонное лицо без макияжа.

Я долго стеснялась выходить на улицу без косметики на лице, но со временем, когда поняла, что никому не нужна и никто на меня даже не смотрит, я забросила косметичку подальше в ящик своего комода и забыла о существовании помад, туши, теней и прочей этой чепухи. **Начала носить только джинсы, практически до колена растянутые майки и футболки, потом стала забывать надевать под них лифчик.** Кстати сказать, этот нюанс производил большой фурор, чем мои стройные ноги и шикарные длинные волосы, которые я часто называла морской волной.

– Я, несомненно, хороша собой и мне всего двадцать два, – и я покрепче обхватила себя обеими руками за талию и стала рассматривать проезжающие мимо автомобили.

С Лео, своим первым парнем, я познакомилась два года назад на одной молодёжной вечеринке. На такие вечеринки приходят, чтобы поесть деликатесы, пикантные канапе, сырные ассорти и нежную выпечку либо потанцевать под ритмичные биты. Но некоторые питают душу и тело алкоголем для того, чтобы завести разговор или новые связи.

Лео стоял возле барной стойки поодаль от меня, допивая голубой коктейль. По правде сказать, в этот день всё было

какое-то необыкновенно голубое: голубые рваные джинсы плотно сидели на его накачанном теле, голубой рябью отличалась вода в бассейне, голубые цветы украшали затуманенный сигаретным дымом зал роскошной виллы.

Лео был шатен. Шелковистые каштановые волосы до плеч, идеально прямые, как будто нарисованные мастером-художником. Тоненькие усики, едва заметные. Когда Лео улыбался, они поднимались и получалась галочка, как положительный ответ на тест – ответ по типу «Тест пройден». Верхняя и нижняя губы напоминали стручки фасоли, изогнутые дугой в разных направлениях.

Я, признаться, не сразу заметила Лео среди толпы. Долгое время наблюдала за прилежным мальчиком с оточенным носом и крупными веснушками. Звали его в компании друзей – Божественный Маркиз. Прозвище прицепилось к нему после полицейского дела о злостном хулиганстве в церкви, где Божественный Маркиз проходил как свидетель. До этого события его звали просто Маркизом за любовь к кружевным рубашкам, которые он надевал по любому случаю – будь то вечеринка или просто поход в парк. Только фасон у них был разный – то с короткими, то с длинными рукавами, то вообще без рукавов. Но после случая в церкви к прозвищу Маркиз добавилось уточнение Божественный. Он мило беседовал с одной из моих однокурсниц, беспрестанно потирая левую ладонь о брючину. Он был похож на типичного пижона с явно выраженным чувством собственного достоинства,

несмотря на довольно безобразную внешность.

Я бы сравнила его с австралийским попугаем: большой заострённый клюв вместо носа, взъерошенный хохолок редких волос. Одежда его была попугайски яркой, видимо, для привлечения внимания при недостатке внешнего обаяния. Было в нём что-то одновременно притягивающее и отталкивающее, хотелось подбежать к нему без приглашения, обнять, так крепко, чтобы в руках появилась лёгкая ломота, и не отпускать никуда и ни к кому. Однако грубые взгляды, резкие движения и громкий хохот Божественного Маркиза пугали. **Он был как глубокий колодец: страшно подойти, но безумно интересно заглянуть.**

«Не бойся, вперёд!» – сказала я себе и пошла к Маркизу уверенной походкой.

– Необычный рисунок у тебя на майке, – начала я, подойдя к нему и показывая указательным пальцем на огнедышащего дракона, расположившегося на зелёной ткани.

– Да? – удивился он, – не вижу ничего необычного, – и отвернулся от меня в сторону другой девчонки, скривив свой рот в ехидной улыбке.

Вот бы провалиться мне сквозь землю в эти минуты. Я чувствую, как моё лицо наливается багровым цветом. Не сдавайся, Эва!

– А я нахожу его занимательным, – выдавливаю я с дрожью в голосе ему в спину.

– Я бы на твоём месте занимался чем-то более серьёз-

ным, Эва.

Он знает, как меня зовут. До чего же он наглый и сообразительный. Но почему же меня так и тянет к нему. Я не нахожу себе места в этом большом зале. Хочу убежать подальше от шума и укрыться с ним под ночным небом, в его объятиях.

– Я как раз этим и занимаюсь.

– Мне не интересны твои занятия, Эва. Извини, – и он плавной походкой ушёл в другой зал, выкидывая правую ногу далеко вперёд.

Вот так! А ведь он – самый неэффективный парень в этом обществе.

Но нет, я не растерялась, пусть и чуточку расстроилась. Я просто стала искать глазами другой объект моих скрытых желаний.

Мне уже двадцать, а я ещё ни разу с парнем не целовалась. Пустая трата времени за скучными учебниками по философии и праву, в которых я не находила связи между чистым воплощением разума и красотой.

Красота и ум – несовместимы. Преодолеть и совместить эти две противоположности, причём в реальном мире, не представлялось мне возможным. Умные – страшные дурнушки. Красивые – замершие курицы. Отнести себя к одному из этих двух кланов я не могла и пришла к выводу, что я – существо духовное, не относящееся ни к тем, ни к другим, пришедшее в этот мир испытывать чувство собствен-

ной неполноценности и превосходства одновременно. Кстати, последнее помогает мне прорваться на пик снежной горы и мгновенно свалиться с неё при самом обыкновенном случае. Например, когда контролёр, уличив меня в заячем забеге, выписывает мне протокол нарушения и просит выйти из трамвая. В этот момент мне становится так стыдно, что успеваю покраснеть и побледнеть за доли секунды.

Впрочем, вернёмся к философии. Философия нужна для того, чтоб просто не слететь с катушек. Я не понимаю сути всех этих многочисленных (и кстати сказать, противоречащих друг другу) философских терминов и безумных идей, но неплохо бы отметить, что философия – это любовь к мудрости. Но мудрость, как известно, порождает глупость, поэтому можно заключить, что всё, что говорит и пишет философия, – не что иное, как бред сумасшедшей старухи, отбывающей последние дни в труднодоступном кайфе бытия. Если быть чуть-чуть мягче в суждениях, то можно предположить, что философия – чистая выдумка человечества. Человек всегда пытался постичь истину, познать суть существующих вещей. Поэтому можно предполагать, что философия – это естественная потребность человека обманывать себя в реальности проносящихся мимо него вещей. **А если быть точнее, то мы просто бестолковые люди со своими мечтами и взглядами, планами и мыслями, бредущие за кем-то из прошлого в будущее.**

Именно философия помогла мне безучастно отреагиро-

вать на слова «австралийского попугая» и продолжить пожирать глазами всех, кто проходил мимо меня.

Здесь были разные личности, от эйфорических моллюсков до инопланетных совершенств.

Примером сверхмоллюска был Антуан. Он старался избегать любых контактов, даже самых незначительных. В ответ на безобидное «привет, как дела?» он смотрел на тебя вытаращенными глазами, как пойманный рак. Ненавижу таких. Они гнусные и безобразные. При виде их у меня возникает непреодолимое желание расчленить «моллюска» на крошечные части и растоптать.

Инопланетные совершенства, напротив, вызывают у меня улыбку. Их миловидность не знает предела, но ничего, кроме пожатия обеими руками твоей руки, они предложить не могут. Короче, безобидные, но бесполезные создания.

Но есть и золотая середина – люди, к которым меня так и тянет.

Таким человеком был Лео, брутальный брюнет в футболке с изображением полуразрушенного замка с летящей над ним коровой. Что бы это могло значить? Фантастический образ символизировал необычность его владельца или его нелепость, некоторую странность? Или это был символический намёк на необычную ситуацию, когда девушка клеится к парню, а не наоборот, как принято в обществе? Джинсовая рубашка придавала некий шарм образу, а в комплекте с белой гитарой, которую он носил на правом плече, но перио-

дически терял в углах комнаты или на диванах, Лео становился фаворитом вечера, и многие девушки так и клеились к нему со своими глупыми вопросами. На корпусе гитары была художественная наклейка с надписью «Покойся с миром, Лина. Навсегда в моём сердце». Что это была за Лина, я тогда ещё не знала. Но потом она стала ключом всех наших отношений. Стало понятно, откуда в Лео были беспринципность, независимость и гордыня. **Он просто боялся снова полюбить.**

Лео станет моим первым парнем, но не человеком, рядом с которым я хотела бы прожить свою жизнь.

В тот самый вечер, ответив на моё «привет» своим приветом, он, не теряя времени, тут же крепко взял меня за руку и привёл в заброшенную хижину – неподалёку от особняка Пенелопы Нил, пригласившей нас на вечеринку.

В хижине, заставленной всяким хламом, было темно и пахло сыростью. На подоконнике стоял подсвечник, позолота на нём давно стёрлась. Когда-то его место было на столе, во время очередного семейного ужина, когда вся семья собирается для того, чтобы рассказать о своём прожитом дне. Он выслушивал истории о том, как кто-то украл сэндвич из общего холодильника или как секретарша ошиблась номером и перевала разговор жены босса на его помощницу, некую привлекательную блондинку, по голосу которой уже ясно, что она привлекательна, и как жена босса в ярости бросила трубку, посчитав, что это проделки её шутника-мужа.

В хижине было всё старинное, нажитое мертвецами – людьми, которых уже нет в живых. На иссиня-чёрном полу, половицы которого скрипели при каждом шаге, валялись виниловые пластинки – «Я подожду» Рины Китти, «Море» Шарля Трене, «Жизнь в розовом цвете» Эдит Пиаф. На белом комоде с глубокими трещинами и облезшим лаком пылились книги в твёрдых переплётах. Комод походил на рыбу в чешуе – так его изменило время. Жёлтые пятна уродовали потерявшие цвет обои.

Но вся эта старина разбудила во мне живую музыку. И меня понесло в фантазии. Видения нежных ласк и украденных взглядов вились, как во сне, а сердце трепетало в груди.

Рука Лео тем временем скользнула мне под футболку и нащупала сосок, который стал упругим от возбуждения. Я застыла, потрясённая прямотой его действий, подняла глаза и увидела его взгляд, сосредоточенный на вырезе моей футболки. На мгновение я растерялась. Можно было всё прекратить, но я была не в силах остановиться, я просто смотрела на его загорелую руку, ставшую ещё более тёмной на фоне моей белоснежной футболки. Нерешительно я посмотрела ему в глаза и, увидев пылающее в них пламя, окончательно расслабилась. Теперь он мог делать со мной всё, что хотел. Лео продолжал сжимать и гладить мою грудь, уже глядя в мои глаза, наблюдая, как мой лёгкий страх превращается в сладкую истому. Как долго я этого ждала!

Я не знала, что грудь может доставлять столько невоспол-

нимого удовольствия. Раньше считала бесполезной эту часть тела: не надевала лифчик, не прикрывала её от посторонних взглядов. Но теперь, когда мурашки бегут по моей спине после каждого нажатия на сосок, я понимаю всю её ценность. Какие чудесные ощущения я испытала, когда, повалив меня на скрипучий пол старой хижины, Лео начал целовать мою грудь, проводя кончиком языка от вершины соска до его основания. Зацелованная до бесчувствия, я разрешила ему опустить руку ниже по моему телу. Мои груди были оголены, джинсы приспущены, я лежала перед ним совершенно готовая отдаться ему полностью, как вдруг он поднялся и, не отрывая от меня взгляда, сказал:

– Эва, нам надо немедленно остановиться. Я не должен. Я не тот, кто тебе нужен.

На глаза навернулись слёзы, но я, преодолевая обиду, поднялась с полу, сняла майку, джинсы и трусики, оставшись совершенно голой перед ним. Он остался невозмутим и, попросив меня:

– Оденься! Пожалуйста... – отвернулся.

Я подошла к нему сзади, обняла обеими руками и погладила упругую кожу его груди, ощутив все напряжённые мышцы. **Нежно поцеловала плечо, едва коснулась губами шеи, вдыхая ванильно-горчичный запах его тела.** Лео стоял неподвижно, словно замер в испуге. Мне казалось, что его вдохи и выдохи были самыми неслышными во всем мире. Он не двигался и молчал.

Я развернула его к себе, прижала к своему обнажённому телу, чувствуя кожей его тепло и испарину. Это было истинное наслаждение. Он посмотрел на меня глазами сестры. **Будто он – моя сестра. Взгляд непринуждённой серьёзности, от которой и плакать, и смеяться хочется одновременно.**

И вот я гляжу ему в глаза и не отпускаю из своих объятий. Я чувствую, что меня поглощает в себя целый мир с океанами, горами, озёрами, магистралями, домами, небоскрёбами, лесами, вулканами, песками и чернозёмами, тиграми и змеями, когда всё соединяется в тебе как нечто первозданное.

Я думаю о доме, о маме, которая по субботам любит печь пироги с вишней и щавелем. Я думаю, о том мальчишке, который первый раз прокатил меня на велосипеде. И о том вечере с громом и молнией, когда мы всей семьёй сидели без света и папа запрещал мне с сестрой подходить к окну. Потом я узнала, он боялся, что нас может ударить молния. А в те минуты, когда мы сидели на диване и не шевелились, мне казалось, что папа просто придумал игру «Замри», чтобы мы хоть немного со старшей сестрой посидели тихо.

Я думаю о своём небезупречном теле, что может быть у меня уже выросли подмышками волоски или ноги недостаточно прямые, и вообще ровный ли у меня загар. **Как я выгляжу со стороны?** Многие не помнят свой первый раз или помнят смутно какие-то детали – не совсем важные, но запоминающиеся: первое прикосновение, первый поцелуй или

вид из окна, шум дождя или звуки проносящихся машин. А я помню, как мне хотелось посмотреть на себя со стороны.

Проснулась я задолго до восхода солнца. Потолок хижины был низким. Крошечные трещинки на нём переплетались, словно паутина, свидетельствуя о течении времени. Балки, украшенные свисающими травами и безделушками, намекали на загадочное прошлое. Потолок хранил тайны бесчисленных ночей, проведённых под ним. Теперь он знает и мою тайну.

Лео лежал рядом, уткнувшись носом в подушку, из уголка его рта текла слюна. Я ощутила непонятное отвращение, прежде всего к самой себе. Внизу живота нарастало жжение, пугающее и приятное одновременно. Смесь отвращения и желания заставила меня напрячь низ живота. Я отвернулась на другой бок и заплакала.

– Малышка моя, что случилось? – сонным голосом спросил Лео.

Я открыла глаза и увидела перед собой лицо человека, который забрал у меня то, что уже не вернуть никогда.

– Доверься мне, всё хорошо, – так просто сказал он и поцеловал нежными губами мой лоб.

Коснувшись указательным пальцем моей верхней губы и поцеловав мой приоткрытый рот, Лео начал медленно и нежно, чуть касаясь, гладить шею то ладонью, то тыльной стороной руки. Потом, с необъясним трепетом, прижал меня к себе, отчего тело стало лёгким и расслабленным, затем

спустился на живот, огибая мой пупок мизинцем, и снова прижал.

– Нет, – еле выговорила я, – не надо.

– Прощу тебя, прости меня, – шепнул он, – но нам же было так хорошо вдвоём.

Я молчала. Боже мой, я не могу с ним спорить, хотя смутно помню всё, что происходило ночью.

– Только я хотел бы знать, – произнёс он, лаская круговыми движениями мои бёдра, – я не причинил тебе боль? Тебе не было со мной больно?

Больно? Нет. Может быть, минуты две или три я испытывала какую-то тупую боль, но потом... Потом я чувствовала его руки, его губы, его тело. Я слышала его слова и шёпот, который было трудно разобрать, но это не мешало понимать, что я сейчас лучшая в этом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.